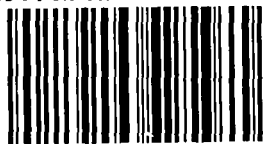

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

005018624

На правах рукописи

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Д. Шукин', written in a cursive style.

Шукин Денис Андреевич

Интерпретация образа врага в моральном дискурсе

Специальность: 09.00.05 – этика

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

12 АПР 2012

Санкт-Петербург

2012

Работа выполнена на кафедре этики философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Артёмов Георгий Петрович (СПбГУ)

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Марков Борис Васильевич (СПбГУ)

кандидат философских наук, доцент
Душина Светлана Александровна
(СПбФ ИИЕТ РАН)

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ)

Защита состоится 26 апреля 2012 в 17³⁰ на заседании Совета Д
212.232.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, В.О. Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд.
167

Автореферат диссертации разослан: «24» марта 2012 года.

Учёный секретарь совета,
кандидат философских наук, доцент

Рукавишников А.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Враг представляет собой один из ключевых символических маркеров, позволяющих субъекту выстроить систему координат собственного бытия или бытия группы, в которую он включён. На всём протяжении существования человека как активного субъекта социальной реальности этот архаический концепт, вне зависимости от особенностей культуры, специфику которой он принимал, обладал фундаментальным значением. Являясь структурным элементом моральных практик, концепт «враг» принадлежит полю этического осмысления. Определение врага лишь как носителя аморальных характеристик, встречающееся в современной этике, не раскрывает того спектра символических значений, которым это понятие обладает. Существование врага и этическая экзистенция субъекта находятся в непосредственной взаимосвязи, однако смысл этой взаимосвязи нуждается в дополнительном разъяснении. Враг, будучи включённым в общее ценностно-нормативное пространство, в рамках которого функционируют универсальные правила взаимоотношения человеческих существ, тем не менее, остаётся за границами социальной системы.

Активно исследуемая методами социальных и гуманитарных наук тенденция к виртуализации социального ведёт к изменению характера интерсубъективных отношений, стремительному развитию массового информационного общества и модернизации традиционной коммуникативной модели. Описанные трансформации позволяют субъекту осваивать новые инструменты коммуникации, формируют специфические типы идентичности, меняя алгоритм самого процесса самоидентификации. Индивид интегрирован в виртуальные сообщества, логика функционирования которых отличается от традиционной, придававшей особое значение непосредственному обращению к другому субъекту и сконструированной на осно-

вании механизмов поиска врага. Вместе с тем, виртуальное сообщество не способно удовлетворить все желания субъекта, так как его телесность не может быть полностью вписана в рамки виртуальной интеракции и постоянно возвращает индивида в реальный мир, лишая виртуальное пространство необходимой изолированности.

В конце XX века происходит ряд значительных сдвигов в ценностной структуре общества, интенсификация глобализации ведёт к столкновению универсальных и локальных норм, что способствует стремительному распространению этического релятивизма. Развитие средств медиа и захват ими всех сфер жизни индивида делает всё более радикальной дистанцию между врагом и его образом, зачастую попадающими в ситуацию тотального несоответствия друг другу.

Подобная раздвоенность требует внесения коррективов в методологию этического анализа социальных отношений. Не стоит оставлять без внимания очевидную корреляцию между атомизированностью человека, свойственную для диагностированного философами символического хаоса, с которым пришлось столкнуться европейской культуре, и постепенной потерей им традиционных навыков интеракции, которая, в свою очередь, дезавуирует ценностно-нормативную систему.

Характерное для либеральной парадигмы стремление избегать определения термина «враг» и производного от него понятия «образ врага» в категориях добра и зла, ставящее под сомнение статус этих концептов, в начале XXI века становится объектом агрессивной критики. В этих условиях исключительную актуальность приобретает проблема репрезентации связи врага с моральным дискурсом, созданным в рамках интеракции социальных агентов. Между тем, в современной моральной философии практически отсутствуют серьёзные исследования, сфокусированные на анализе сущности и механизмов интерпретации образа врага как элемента морального сознания.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема, поставленная в диссертации, затрагивает широкий круг источников. Основные социально-философские и этические понятия, используемые в работе, в рамках гуманитарных дисциплин являются проработанными концептами.

Базовый пласт анализируемой проблемы причастен самой логике взаимоотношений субъекта и Другого/Чужого. Разработкой данной тематики занимались крупнейшие исследователи, работавшие в поле различных философских парадигм: философии жизни, экзистенциализма, феноменологии, герменевтики, аналитической философии, структурализма, постструктурализма, постмодернизма¹. Значимым шагом в процессе научного развития понятия оказалась реинтерпретация фигуры Другого с помощью термина «бессознательное» и утверждение свойств Другого как свойств структуры субъекта². Необходимо отметить радикальные отличия, присущие модернистским, структуралистским, постмарксистским теориям, которые раскрывают проблематику в терминах диалога равных, фрагментарности и диффузиониз-

---

¹ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001; Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 76-92; Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999; Вальденфельс Б. Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии. Минск, 1998. С. 141-162; Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. М., 2001; Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999; Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2006; Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998; Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999; Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991; Райл Г. Понятие сознания. М., 1999; Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995; Рикёр П. История и истина. СПб., 2002; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008; Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность // Проблема онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 318-320; Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2008; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003; Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993; Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994. С. 20-116.; Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск, 1996; Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.

² См.: Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998; Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург, 2007; Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427-457; Крестева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 256 – 275; Лакан Ж. Имена-Отца. М., 2006; Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Инстанция буквы или судьба разума после Фрейда. М., 1997. С. 148-183.; Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/58). М., 2002; Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995; Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

ма. Иная классификация предполагает разделение диалогического¹ и диалектического² взглядов. Попытка преодолеть это разделение может быть, в частности, обнаружена в работах Ж.-П. Сартра или Т. Адорно³.

Понятие «враг» оказывается сопряжено не только с онтологически значимым понятием «Другой», но и с фундаментальными диадами «мы-они», «свой-чужой». Вскрытие проблемы многозначности понятия «враг» и механизма поиска субъектом собственной противоположности демонстрирует универсализм оппозиционной модели. В этом смысле аналитик всегда находится в ситуации выбора между позициями Э. Дюркгейма и М. Вебера, которые означивают собой противоположности «я-ты» и «мы-они»⁴. На этот раз синтезирующей силой оказывается логика Х. Ортега-и-Гассета, предполагающего, что Другой обретает личное обращение, лишь являясь частью общности⁵.

Опираясь на концепции Г. Зиммеля, З. Баумана, К. Шмитта можно вывести тезис о значении врага для процесса социокультурного и политического формирования социального тела⁶. Культурные смыслы Чужого реализуются в практиках группы, пытающейся оградить себя от внешней угрозы. Как пишет К. Леви-Стросс, уже для первобытных культур характерны попытки культурной универсализации с целью преодоления исконной замкнутости групп⁷. Отношения, в которых «своим» считался ближний, принадлежащий родственной общности, с ходом раз-

---

¹ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Бубер М. Я и Ты. М., 1993; Розенцвейг Ф. Об одном месте в диссертации Мартина Бубера // Философские науки. 1995. № 1. С. 136-139; Франк С.Л. Сочинения. М., 1990; Эбнер Ф. Из записных книжек // Махлин В.Л. Я и Другой: истоки философии диалога XX века. СПб., 1995. С. 115-128.

² См.: Гегель Г. Феноменология духа. СПб., 1992; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999; Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 2011; Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990.

³ См.: Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003; Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000; Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319-344.

⁴ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 480-698.

⁶ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 501-508; Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35-67.

⁷ См.: Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

вития общественных отношений претерпевают ряд изменений. Стремление понять Чужого приводят к постепенному исчезновению «чужого» как феномена.

Описанная Э. Гуссерлем и Г. Зиммелем «матрица», визуальная или акустическая, которая изначально предстаёт перед группой при контакте с другой группой, сменяется признанием схожести базовых характеристик субъектов и групп. В этих условиях на первое место выводятся индивидуальные отличия индивидов на фоне кажущейся однородности. Таким образом, исключительно важным становится вопрос о роли двойника в конститутивных процессах формирования субъективности, поднятый Р. Жираром¹.

Инструментарий психологических теорий позволяет рассмотреть оппозицию «свои-чужие» благодаря целому ряду моделей, среди которых можно выделить модель индивидуальной или коллективной непереносимости², включающую в себя психоаналитические и бихевиористские концепции, и модель социальной интеракции³, активно эксплуатируемую социальной психологией, интеракционистскими и когнитивистскими школами, фокусирующимися, в частности, на механизмах социальной идентификации и стереотипизации.

Тема социальной идентичности меняет контекст исследования, пред-

---

¹ См.: Жирар Р. *Насилие и священное*. М., 2000.

² См.: Берковиц Л. *Агрессия: причины, последствия и контроль*. СПб., 2001; Бутовская М.Л. *Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов человека // Общественные науки и современность*. 1998. №6. С. 149-159; Дольник В.Р. *Непослушное дитя биосферы*. М., 1994; Лоренц К. *Агрессия (так называемое «зло»)*. М., 1994; Олескин А.В. *Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты*. М., 2001; Фрейд З. *Психоанализ. Религия. Культура*. М., 1991; Фрейд З. *Тотем и табу*. СПб., 2005; Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 2007; Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1995; Фромм Э. *Душа человека*. М., 1998.

³ См.: Аронсон Э. *Общественное животное. Введение в социальную психологию*. М., 1998; Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. *Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме*. СПб, 2002; Вундт В. *Проблемы психологии народов*. М., 1912; Кон И.С. *Психология предрассудка // Новый мир*. 1966. № 9. С. 187-205; Лебон Г. *Психология народов и масс*. СПб, 1995; Левин К. *Разрешение социальных конфликтов*. СПб, 2000; Майерс Д. *Социальная психология*. СПб, 2002; Московичи С. *Век толп: исторический трактат по психологии масс*. М., 1998; Росс Л., Нисбетт Р. *Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии*. М., 1999.

полагая анализ социологического аспекта рассматриваемой проблемы¹. Социал-дарвинизм трактует социальную реальность как арену для борьбы коллективов и общностей. Ещё более радикальна позиция сторонников расово-антропологической теории. Символический интеракционизм также ищет причины враждебности в феномене потери индивидуальной идентичности в момент межгруппового столкновения. Подобная логика ведёт к постулированию структурного характера конфликтных отношений, который напрямую отсылает к концепциям структурализма, постструктурализма и системным конфликтологическим теориям. Вопрос об особенностях соподчинения субъективного сознания и социальной реальности отсылает к установкам социального конструктивизма. Этноисторический аспект анализируемой проблемы предполагает исследование критериев расогласования и причин появления разломов на границах этнокультурных групп, а также статуса чужака, который связан с феноменом ксенофобии.

Следует отметить две группы работ отечественных исследователей, непосредственным образом затрагивающих проблему взаимосвязи позиции Другого, фигуры врага, пространства морали. Первая из них включает в себя источники, принадлежащие полю теоретического конструирования

---

¹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000; Ахмезер А.С. Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 115-125; Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994; Бурдьё П. Практический смысл. СПб, 2001; Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2000; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000; Гумилёв Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001; Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000; Луман Н. Власть. М., 2001; Моска Г. Правящий класс // *Социологические исследования*. 1994. № 12. С. 186-196; Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Руткевич М.Н. Теория нации: философские вопросы // *Вопросы философии*. 1999. № 5. С. 19-32.; Смелзер Н. Социология. М., 1998; Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб, 1999; Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993; Спенсер Г. Основные начала. СПб, 1899; Сухова Е.Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности. СПб., 2005; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Политические исследования*. 1994. № 1. С. 33-48; Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических конфликтов // *Политические исследования*. 1996. № 6. С. 39-51; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998; Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М, 1997; Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007; Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М., 2008.

ния¹, вторая – тексты, содержащие анализ конкретных моральных практик, функционирующих в рамках глобализирующегося мирового сообщества или современного российского социума и связанных, в частности, с динамикой демократического транзита².

Вовлечение категории «демократия» в аналитическое пространство демонстрирует непосредственный переход к политическому аспекту проблемы. Толерантность, представляя мощнейший символический ориентир либерально-демократической парадигмы, притягивает внимание исследователей как теоретический концепт, нуждающийся в дополнительном прояснении, и эмпирическая данность, реализуемая в форме политико-идеологической экспансии³. Всё более актуальными становятся рассуждения об этническом парадоксе современности, демонстрирующем обратную зависимость между социально-политическими и этнокультурными различиями сообществ. В работах С. Жижека постмарксизм с присущей ему критикой универсализма эффективно дополняется философским психоанализом, позволяя элиминировать воздействие господствующего дискурса в логике деконструкции⁴.

В рамках социальных наук анализ статуса Другого как врага и алгоритм взаимоотношений с ним также реализовывался как исследование кон-

---

¹ См.: Гусейнов А.А. Любите врагов ваших // Наука и религия. 1992. № 2. С. 10-13; Краснухина Е.К. Философия насилия // Образование и насилие. СПб., 2004. С.101-109; Коппигерс Б., Апресян Р., Келеманс К. Крайнее средство // Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М., 2002. С. 141-167; Марков Б.В. Путешествие как признание другого // Путь Востока. Межкультурная коммуникация. СПб., 2003. С.186-196; Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб., 1997; Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992; Слинин Я.А. Феноменология интересубъективности. СПб., 2004; Сухачев В.Ю. Знаки человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I. СПб., 2001. С. 318-332.

² См.: Артёмов Г.П. Моральные установки как фактор ценностных конфликтов // Конфликтология. 2010. № 4. С. 136-155; Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М., 2004; Душина С.А. Автобиография постсоветского человека под знаком социальных травм // Стратегии этической и эстетической рефлексии. СПб., 2005. С. 22-29; Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. Т. 7. № 1. С. 31-39; Рукавишников В.О. Враг моего врага // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 30-43.

³ См.: Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003; Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2009; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм // Логос. 1999. № 9. С.96-104; Хабермас Ю. Расколты Запад. М., 2008; Хомский Н. Прибыль важнее людей: Неолиберализм и мировой порядок. М., 2002.

⁴ См.: Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003; Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реально-го. М., 2002; Жижек С. Ирак. История про чайник. М., 2004.

фликтной природы социальных сил. Несмотря на множественность парадигм восприятия конфликта и разнообразие его видов, основанием любого конфликта выступает «борьба», «ситуация конкуренции», «структурно-произведенные отношения противоположности». Плюрализм подходов демонстрирует тот факт, что конфликт обладает многозначностью символических уровней, не является монолитным, представляет собой сложный, полимерный конструкт¹.

Необходимо отметить значение дискурсивно-интерпретативного компонента исследования, к которому отсылает словосочетание «интерпретация образа», присутствующее в названии работы. В контексте западной философии проблема интерпретации и текстуальной структуры реальности принадлежит к числу наиболее интересных и получила разносторонние трактовки в рамках герменевтической, постструктуралистской, постмодернистской традиций. Множественность трактовок инициировала поиск границ общего проблемного поля и определила движение мысли в стремлении найти новую интерпретационную парадигму².

Происходит коренной пересмотр представлений о границах, возможностях и значении интерпретации в структуре человеческой деятельности. В связи с этим, можно говорить об «интерпретационном повороте» в самом дискурсе современной философии. Интерпретация есть форма и способ функционирования философских знаний³.

Интерпретативный поворот вытекает из признания символично-знаковой структуры мира, обеспеченной взаимодействием дискурсивных потоков и предполагающей коммуникацию (в самых различных ипостасях) в

---

¹ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 236-242; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 2004; Козер Л. А. Функции социального конфликта. М., 2000; Boulding К.Е. Conflict and defense: A general theory. N.Y., 1962.

² См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика, М., 1989; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Гадамер Х.-Г. Философия и литература // Философские науки. 1989. №2. С. 83-97; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008; Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993; Derrida J. Introduction et Traduction de L'Origine de la géométrie de Husserl. Paris, 1989.

³ См.: Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.

качестве ядра экзистенциальной системы. Несмотря на то, что именно структурная лингвистика и философская семиотика в наибольшей степени акцентировали своё внимание на коммуникации и дискурсивных практиках¹, практически каждое общетеоретическое направление связанного с социально-философской рефлексией знания выработало своё собственное представление о сущности коммуникативных процессов, будь то герменевтика Шпета, феноменология Гуссерля, морфология Проппа, социология Бурдьё, прагматика Грайса, постмодернизм Бодрийяра, деконструкция Деррида, постмарксизм Лакло и Муфф, модернизм Хабермаса². Подобное многообразие дополняется инструментальными теориями дискурса-анализа, такими как контекстный дискурс-анализ, критический дискурс-анализ или дискурсивная психология³.

Цели и задачи исследования.

Целью диссертационной работы является анализ механизмов интерпретации образа врага в логике этической верификации его экзистенциальных свойств.

Механизм раскрытия темы предполагает последовательное решение следующих задач:

1. Проанализировать момент встречи субъекта и Другого сквозь призму реализации контрагентами изначальной враждебности, отыскав её этические основания.

---

¹ См.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22–129; Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 151–169; White H. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987.

² См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007; Гуссерль Э. Логические исследования. М., 2001; Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000; Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. М., 1998; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005; Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 1985.

³ См.: Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2004; Dijk T.A. van. *Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline// Handbook of Discourse Analysis, vol.1, Disciplines of Discourse*. Academic Press. 1985. pp. 107-144; Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992; Phillips L. *Media Discourse and the Danish Monarchy: Reconciling Egalitarianism and Royalism*. Media, Culture and Society, vol. 21, 1999; Potter J., Wetherell, M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London: Sage, 1987.

2. Раскрыть значение врага как конституирующей структуры в контексте формирования индивидуальной и групповой идентичности.

3. Выявить механизмы интерпретации образа врага в рамках морального дискурса и терминах символической коммуникации.

4. Исследовать проблему этического статуса врага.

5. Раскрыть смысл взаимосвязи между логикой построения этического пространства и механизмами конструирования образа врага.

6. Осуществить анализ современной моральной практики с помощью выявленных теоретических конструкций.

Теоретические и методологические основания исследования.

Этико-философский подход, в отличие от социологического или исторического, требует от исследователя анализа экзистенциального назначения фигуры врага, а не просто диагностирования его роли в групповом взаимодействии. Следовательно, в рамках работы основным объектом исследования является индивидуальное сознание и обобщенные коллективные представления, интерпретируемые в этических терминах, описывающие структуру морального дискурса, который составляет символическое пространство существования субъекта. Вместе с тем, для непосредственного раскрытия этической составляющей работы необходима предварительная тематизация проблематики в контексте целого спектра научных концепций. Авторская точка зрения является результатом совмещения постструктуралистской, постмодернистской, феноменологической и герменевтической парадигм.

Термины «интерпретация», «образ», «враг» в рамках исследования работают в единой связке и могут быть описаны в психоаналитических терминах «Символическое – Воображаемое – Реальное». Интерпретация предполагает символическое осмысление. Образ смыкает Символическое и Воображаемое. Наконец, враг есть то Реальное, что вселяет в душу человека ужас, являясь одновременно недоступным его взгляду.

Учитывая характер занятой автором позиции, субъективные дихотомии следует оценивать лишь как нормы интроспективных представлений, которые диктуются самим *esse* субъекта. Именно поэтому столь важная в социологии проблема соотношения двух уровней идентификации в рамках данного исследования проявляется лишь формально. Автор оставляет за собой право вести речь об интерсубъективных и групповых видах коммуникации, различая их постольку, поскольку такая модель их структуриации является характерной для сознания самого субъекта, но не потому, что их характер или свойства имеют отличия в своём экзистенциальном базисе.

Теоретический анализ проблемы интерпретации образа врага в моральном дискурсе в рамках работы дополняется эмпирическим исследованием. В третьей главе на основании анализа материалов серии фокус-групп, проведённых автором, а также вторичного анализа результатов массовых опросов на базе выбранной исследовательской методологии, предпринята попытка применить обобщения, сделанные в теоретической части исследования, к анализу современной моральной практики.

На этапе эмпирического анализа наиболее эффективным оказывается использование сочетания качественных и количественных методов исследования. Качественная компонента анализа позволяет выявить интерпретативные и идентификационные механизмы восприятия образа врага и логики конфликтного противостояния. Дискурс-анализ данных предполагает смысловое «вскрытие» ментальной карты индивида. Количественная компонента включает анализ результатов опроса с помощью статистических пакетов. Гипотезы, имеющие в своём основании теоретические выкладки, в свою очередь, являются методологическим каркасом для выбора методов и техник проведения эмпирического анализа данных, что даёт возможность получить результаты, применимые к российскому обществу со всеми его историко-культурными и социально-политическими особенностями.

Научная новизна исследования может быть определена в следующих положениях:

1. Систематизированы существующие в моральной философии варианты интерпретации понятия «враг».

2. Выявлены стратегии концептуализации врага, в рамках которых он представлен не просто как радикально иной, но как иной, определённый в этических категориях.

3. Обосновано универсальное значение механизма конструирования образа врага, актуального как для отдельного субъекта, так и социального тела в целом.

4. Разработана концепция конструирования образа врага в моральном дискурсе современного общества.

5. Раскрыт механизм интерпретации образа врага в массовом моральном сознании.

6. Исследована роль интерпретации в системе социокультурных факторов, порождающих враждебность в интересубъективных отношениях.

7. Произведено совмещение теоретического и эмпирического анализа, обеспеченное синтетической составляющей самой темы работы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ образа врага вне морального контекста не может быть состоятельным. Как процесс конструирования врага является причиной этической рефлексии, так и мораль лежит в основании практик взаимоотношения с врагом и восприятия его образа.

2. Враг обретает своё значение, попадая в этическое пространство, и представлен как ключевой концепт морального дискурса, символично-знаковой системы коммуникации, в которой субъекты обладают способностью этического суждения и воспроизводят интегрированные в дискурс модели моральных практик.

3. Враг является фигурой, учреждающей этическое пространство на границах дискурсивных разломов. Модель дискурса демонстрирует релятивность ценностно-нормативных систем, продуцируемых на основании компаративной оценки «своих» и «чужих» символических маркеров.

4. Субъект, конструируя образ врага, признаёт его этический статус соразмерным своему, но актуализирует систему различий, призванную легитимизировать собственную уникальность.

5. Интерпретация образа врага предполагает символизацию его архетипа, в рамках которой происходит абсолютизация характеристик Другого, демонстрирующего радикальную моральную испорченность. В глазах субъекта враг обретает себя как воплощение зла.

6. Являясь чуждым субъекту, образ врага доступен как стереотипизация/проекция, существующая в рамках морального дискурса. При этом, сам стереотип реинтерпретируется субъектом на новых основаниях, являясь частью его этической системы координат.

7. Гармония между двумя гранями враждебности – механизмом этического конструирования и средством символической деструкции – является основанием для выстраивания стабильных ценностных ориентиров и преодоления ситуации символического хаоса.

Теоретическое и практическое значение диссертации определяется тем, что предлагаемое в работе понимание феномена образа врага как конституирующего ядра морального дискурса создает эффективную методологическую основу для построения новых этико-философских моделей и корректировки существующих. Предложенное в диссертации объяснение логики интерпретации образа врага представляется весьма эвристичным при исследовании вопросов, касающихся природы коммуникации и социально-этического конструирования.

Идеи, развиваемые в диссертации, могут играть роль концептуальной основы прикладных этических исследований, посвященных изучению спе-

цифики межличностных и межгрупповых отношений в современном российском обществе.

Результаты исследования могут быть использованы в педагогической деятельности при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий в рамках направления «Прикладная этика», а также при разработке междисциплинарных (исследовательских и педагогических) программ.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в докладах автора на всероссийских и международных конференциях, а также 8 статьях, опубликованных автором в научных журналах и сборниках общим объемом 4,2 печатных листа. Диссертация обсуждена на заседании кафедры этики философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и двух приложений. Список литературы включает в себя 246 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи работы, её методические основания, научно-практическая значимость, научная новизна диссертационного исследования.

В первой главе «Другой как враг» рассматривается процесс актуализации ключевых категорий диссертации, проводится анализ основных концепций, включающих в себя в качестве значимого элемента поиск и обоснование взаимозависимости понятий «Другой» и «враг».

В первом параграфе «Другой как враг: опыт концептуализации понятия» анализируется логика представления врага, концептуализированного в рамках различных эпистем, исследуется терминологическое сходство между понятиями «Другой», «Чужой», «враг» и наиболее значимые этическое-философские подходы к определению фигуры врага.

В европейской науке и философии, во многом явившейся результатом развития традиций Просвещения, понятие «враг» постепенно выводится за рамки сферы наиболее актуальных концептов. Подобная концептуальная динамика связана со стремлением либеральной и плюралистической парадигм преодолеть конфликтный потенциал социальных отношений и выстроить универсальную ценностно-нормативную систему на основаниях дискурсивного равенства, идея которого представляется порождением дискурса, а потому отрицает саму себя. С точки зрения традиционного сознания динамика жизни связана с противостоянием дружеских и враждебных сил. Исследователи, проводя анализ традиционных культур, акцентируют внимание на базовой матрице формирования идентичности индивидуального и группового субъекта. Установки, свойственные для античной традиции и классической западной философии, определившие концепции М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса, выстраивают логику экзистенциального противопоставления

субъекта и Другого. И.Г. Фихте формулирует механику диалектической модели следующим образом: из Я появляется Не-Я, включённое в само Я, но одновременно отличное от него. В логике диалектики, пусть и с иной акцентуацией, понятие «враг» активно разрабатывается в текстах Г. Зиммеля, К. Шмитта, Ф. Ницше. Современность диктует новый порядок анализа враждебности как угрозы со стороны врага не только телесности субъекта, но и символическим координатам его существования. Исследование этого феномена может быть проведено средствами психологических и психоаналитических теорий.

Во втором параграфе «Философская интерпретация процесса конструирования врага в контексте психологических и психоаналитических теорий» произведена предполагающая обращение к традициям социальной психологии и психоанализа попытка аналитической реконструкции процесса реализации субъективной агрессии, в результате которого враг конструируется в топической системе индивида. Странники психологической трактовки агрессии, актуализирующей в отношениях вражды, многочисленны: З. Фрейд, В. Райх, К. Хорни, Г. Маркузе, Э. Фромм, а также представители постструктурализма, неомарксизма, постмодернизма и др. С точки зрения гармонизации философской и психологической разверток анализируемой проблемы интересен период открытого кризиса в психологии первой половины XX века. Рассматриваемое в логике бихевиоризма конструирование врага – процесс, связанный с узостью когнитивной карты субъекта, то есть образов пространственного и символического окружения. Гештальттерапия позволяет рассмотреть появление врага в контексте образования форм, группировки социальной реальности как части символического окружения субъекта.

Психоаналитическая традиция доказывает, что конструирование врага – процесс неизменный, жизненно-необходимый, базовый, так как наиболее опасный враг заключён в самом субъекте. Введение З. Фрейдом второй топической

ки – Я, Сверх-Я и Оно – проясняет конфликтные противостояния между различными инстанциями человеческой психики и позволяет прояснить логику моделей конфликтных взаимоотношений отца и сына, а также конкуренции сиблингов. Вскрыв субъекта, Фрейд обнаружил конструирующую полярную пару – созидательную любовь и влечение к деструкции. Г. Маркузе акцентирует внимания на другой грани зависимости Эроса и Танатоса. Цивилизация ограничивает сексуальность как принцип удовольствия целью воспроизведения потомства, затормаживает Эрос, тем самым освобождая силу Танатоса. Триада Ж. Лакана «Воображаемое – Символическое – Реальное» позволяет локализовать ту лауну, которая раскрывает возможность формирования образа врага. Для лаканиста, подобного С. Жижеку, враг, точнее неопределимая изначальная враждебность как отблеск Реального, возникает из зазора между Воображаемым и Символическим, при этом концептуализируясь именно в символическом поле. Современный человек находится в состоянии постоянного выбора одной из двух альтернатив – обеспечить себе стратегическую безопасность, узнав врага, но рискуя при этом столкнуться со всем ужасом встречи с ним, и краткосрочную, тактическую – избежать встречи, сохранив великую иллюзию мира как пространства всеобщего благоденствия.

В третьем параграфе «Индивидуальная и коллективная идентичность: идентификация как механизм порождения образа врага» речь идёт о стереотипизации символического пространства коллективного субъекта и достижении им устойчивой идентичности благодаря активно эксплуатируемой фигуре врага. На уровне столкновения социальных групп можно обнаружить те типы отношения с врагом, которые были описаны нами ранее. Если следовать логике психоаналитической группы как микрогруппы враг является собой невроз, которым может стать некоторый подходящий объект вне группы или даже один из членов группы. Как утверждают З. Фрейд и У. Бион, сам факт нахождения в группе вызывает регрессию, а следующая за ней примитивная агрессия, перерастающая во враждебность, представляет

собой следствие страха потери собственной или групповой идентичности. Идентичность оказывается механизмом символического дистанцирования от «других» и объединения со «своими» и представляет собой единство индивида и общества. Субъект идентификации должен постулировать свою уникальность, однако необходимость адаптироваться к социальной среде ведёт его к самоопределению в качестве «одного из». Идентичность разворачивается в настоящем и устремлена в будущее, однако её ключевые компоненты – интенциональность и устойчивость – не могут не быть обращены в прошлое, так как предполагают наличие исторического нарратива. История позволяет судьбе субъекта проявиться только при посредничестве социального тела. Этот тезис разворачивает М. Хайдеггер в рамках своей интеллектуальной программы по адаптации экзистенциальной аналитики к реалиям национал-социалистической политики. Символизация обеспечивается благодаря механизмам ретроспективной идентичности, выполняющей утилитарную функцию социального конструирования, но отдающей часть своего потенциала в пользу не поддающегося рациональному обоснованию желания. В логике А. Миллера желание обнажает воображаемый регистр интересубъективных отношений, непосредственно представленный концептом «образ врага», и ставит вопрос о том, как в подобных отношениях достигается сплочение или распад группы.

Вторая глава «Этическое измерение врага» посвящена анализу этического значения фигуры врага, логики выстраивания ценностно-нормативного пространства на основании отношений сходства и различия субъекта и Другого, соизмеримости их статусных характеристик и репрезентации врага как существа, со всей тотальностью причастного злу.

В рамках **первого параграфа «“Этика сходства” и “этика различия”»** различение диалектической и диалогической моделей интеракции с Другим, разворачиваемых Г. Гегелем, М. Бубером, М. Бахтиным, Ю. Кристевой, дополнено диадой, построенной на основании раскола между «этикой

сходства» и «этикой различия». Этот раскол определён вопросом, является ли ценностно-нормативная система конвенциональной или возникает как ответ на «вызов» Чужого.

Наиболее характерный для академической традиции акцент на «этике сходства» превалирует в рамках выстроенной Э. Фроммом психоаналитической парадигмы. Связано это, в частности, с тем, что проблема сходства и различия требует предварительного анализа вопроса о тождественности процедур развёртывания субъектом и Другим собственного бытия. Э. Гуссерль в рамках своей феноменологии пытается решить проблему Другого как познавательную проблему. Способность к эмпатии позволяет конвертировать внешний жест как проявление внутреннего чувства и подтверждает существование равного субъекта. Вторая позиция, представленная, в частности, Ж. Делёзом, П. Рикёром, заключается в восприятии Другого лишь в качестве элемента структуры. Для Ж.-П. Сартра основной задачей оказывается преодоление мнимого разрыва между этими позициями. Если Другой существует как другое Я, его существование идентично существованию субъекта, попытки субъектом взять на себя ответственность за прочих – акт агрессии и покушение на свободу. Другая грань дилеммы представлена тем фактом, что ввиду своей уникальности, человек ответствен не только за свою индивидуальность. Ответственность в конечном итоге сопряжена с той свободой, которая, выражаясь постмодернистски, сама себя «деконструирует».

С. Жижек, в свою очередь, обращается к анализу феномена терпимости, постулируя, что способность терпеть Другого вытекает из неспособности принять существования истинной инаковости, которая не может быть вписана в символические координаты. Встреча с Реальным, по Ж. Лакану и С. Жижеку, внезапна, травматична и происходит в обход символического пространства, в то время как нарратив есть символизация в чистом виде. Модель дискурса М. Фуко раскрывает тот факт, что ценностно-нормативная система релятивна, при этом формируется в коммуникации, посредством срав-

нения «своих» и «чужих» символических маркеров. Радикализация отношений «сходства-различия», способная совершить инверсию последовательности формирования ценностно-нормативной системы, описывается Р. Жирамом. Враг представляется двойником субъекта не потому, что слишком много черт его похожи, наоборот, он является чужаком, и многое в нём оказывается за пределами понимания субъекта, а изначально схватывается лишь то, что объединяет субъекта и Другого. Базовая структура сходства-различия не осознаётся субъектом, она скрыта структурами дискурса. В этом смысле система идентичностей – следствие работы базового механизма поиска сходств и различий, который порождает всё множество групп и всё многообразие социальных отношений.

В рамках второго параграфа «Проблема этического статуса врага» рассматривается вопрос о том, в каких образах должен предстать Другой, чтобы актуализироваться в сознании субъекта как враг. Придание антропоморфных качеств явлениям природы и животным привело к известным формам языческих верований и демонстрировало регулярность космического порядка, который позволял универсализировать весь спектр этических трансакций. Дальнейшая социальная и культурная эволюция привела к возникновению моральных дистанций, выделению собственно этического пространства. Одним из основных наборов характеристик, определяющих потенциал враждебности, лежит в сфере морали. Возврат к этизации демонстрирует то, что объект этизации вновь становится на один уровень с человеком – ранее он очеловечивался с помощью космологии, в настоящее время подчёркивается равенство сил, вытекающее из способности человечества и природы нанести друг другу радикальный и максимальный ущерб. Враги не обязательно обладают синонимичными свойствами, однако именно тот срез их существенных характеристик, который актуален в данный момент, который собственно делает их врагами, должен быть схожим. Прекрасным примером различения

абстрактных отношений двух индивидов и отношений, анализируемых сквозь призму субъективной интерпретации, может служить ситуация казни.

Появление врага сопряжено с двумя конститутивными идеями: стремлением обнаружить в Другом освободителя и, одновременно, стремлением системы преодолеть или даже вытеснить образ освободителя, так как реализация его потенции изначально небезопасна для целостности системы. Подобный мессианский срез структуры врага может быть проиллюстрирован с помощью «Легенды о Великом Инквизиторе» Ф. Достоевского и характерен для любых проявлений взаимодействия сущего и должного, механику которого прекрасно отражает конфликт философских парадигм и жизни как сферы «прикладного существования». Другой всё в большей степени воспринимается как тот, кто может, не просто претендовать на одни и те же ресурсы и ценности, но заменить собой субъекта. Символическим спасением для субъекта становится мораль, которая выстраивает процедуру оправдания сходства и поиска того, кто отличен, не на основании опыта жизнеустройства, но на основании этических характеристик. Субъект, конструируя образ врага, обладающего соразмерным ему этическим статусом, равным по модулю, совершает инверсию его свойств, превращая в означающее зла.

В третьем параграфе «Враг как воплощение зла» рассматривается логика репрезентации врага в качестве объекта, обладающего радикально негативными, с точки зрения символической системы, характеристиками. Определение того, каким представляется корпус этических норм, может дать ответ на вопрос, как в моральном дискурсе формируется образ врага, основным предикатом которого выступает принадлежность злу. Вслед за Э. Дюркгеймом, в свою очередь опиравшимся на кантианскую традицию, следует сфокусировать внимание на необходимости разделения морали и логики. Сложность практического применения этой модели заключается в том, что на эмпирическом уровне субъект не способен диагностировать логические различия, что актуализирует моральный дискурс, который, в свою очередь,

обосновывает интерсубъективный раскол. По мнению А. Бадью, любая абсолютизация силы истины организует зло. Несмотря на сопряженность «процесса истины» со злом, каждому субъекту присуще стремление к избавлению от сомнений, решение внутренних противоречий, построению монументального основания для дальнейшего существования. Однако многомерность самого субъекта, неспособность его определиться в собственной символической системе делает подобное избавление труднодостижимым. Учреждающее стабильность стремление к оправданию позволяет определить врага как необходимое зло, которое ввиду своей необходимости в универсальном смысле злом и не является. В христианской догматике Другой послан человеку для испытания его веры. Однако условие акта спасения не ограничено смирением как платой за грех, но дополняется требованием пробуждения непосредственного морального чувства по отношению к врагу. Радикализируя опыт рассмотрения С. Жижекком работ С. Кьеркегора, автор приходит к выводу о том, что любовь к врагу, то есть уважение к инаковости Другого, предполагает абсолютную нетерпимость. Локализация рассуждений А. Бадью демонстрирует тот факт, что субъект зачастую обречён проиграть врагу в символическом поле. Концепция очищающей борьбы может помочь в анализе противостояния, заряженного максимальным желанием, о котором писал А. Миллер. Ж. Бодрийяр проводит детальный анализ теракта 11 сентября, обнаруживая присущее субъекту желание (как структурный элемент) свершения зла. Вскрытие собственной символической развёрстки продемонстрировало бы индивиду, что он сам есть причина столкновения, что вина лежит на нём, а не на скрытом Другом. Потребность субъекта в столкновении с Другим конституирует этическое пространство, а зло означает стремление установить естественный и наиболее простой путь достижения собственной идентичности через выстраивание враждебных отношений с Другим.

Четвёртый параграф «Интерпретация в структуре морального дискурса» включает в себя анализ роли интерпретативного компонента ин-

терсубъективных отношений, локализованных в моральном дискурсе. Враг создаётся своим образом, и этот образ наиболее интенсивен в рамках уже не отдельного субъекта, а intersубъективных практик, которые, тем не менее, отсылают к отдельному субъекту. Одна из альтернатив анализа врага в качестве этического концепта – его определение через интерпретативные особенности этического пространства. Моральный дискурс представляет собой систему символов, оформленную языковым образом. В отличие от коммуникативистов, которые рассматривают моральный дискурс как конструкцию скорее идеальную, не достижимую на практике и не допускающую никакой организации, так как любая форма организации, так или иначе, нарушает равенство и свободу участников, возможно приписывание слову «моральный» не значения близости идеалу, но значения принадлежности дискурса определённой матрице означающих. Понятие дискурса обнаруживает известное противоречие между властью и свободой субъекта, решение которого пытаются отыскать конструктивисты, концептуализируя проблему в поле политики. Обнаружение П. Рикёром жёсткой связки между политикой и этикой отнюдь не случайно. Политика выполняет телеологическую функцию в отношении этических целей, реализуясь с помощью повествовательной идентичности. Текстуальная природа дискурса, доступная анализу благодаря феномену повествования, неразрывно связана с понятием интерпретации. Основная цель интерпретации – проживание новых практик, преодоление разрыва между социально-культурными контекстами. Представители феноменолого-герменевтической и структуралистской традиций переносят фокус внимания философского анализа на роль интерпретации в дискурсивной динамике. Социальная мифология, включающая в себя механизмы стереотипизации и проекции, объясняет логику развития дискурса, который может быть описан через использующие его интенсивность интерпретационные конфликты.

В третьей главе «Проблема репрезентации образа врага в контексте эмпирического анализа конфликта интерпретаций» осуществляется

попытка применения теоретических обобщений к изучению структуры реального морального сознания.

В рамках первого параграфа «Конфликт интерпретаций и дискурсивные практики» постулируется эффективность использования концепта «конфликт интерпретаций», формируется инструментарий эмпирического анализа, предполагающий описание понятий, позволяющих наилучшим образом раскрыть проблематику, а также методов сбора и обработки эмпирических данных. Конфликт интерпретаций в узком смысле обозначает наличие различий в механизмах субъективного восприятия, вынуждающее признать существование равного субъекту антагониста. Исключительно значимым является вопрос об удельной доле влияния интерпретативных практик в рамках процесса этического конструирования. Традиция психодинамической интерпретации конфликта была заложена «францами» психоаналитиками. Ещё один пример подобной концептуализации понятий – конфликт целей и средств – ядро модели К. Левина. Для реализации эмпирического анализа российской социальности с целью выявления механизмов формирования образа врага в моральном дискурсе использовано сочетание качественных и количественных методов. В качестве основного метода сбора информации наиболее приемлемым был признан метод фокус-групп. Для обработки полученных данных с учётом обозначенной проблематики использовался метод дискурс-анализа. Сама техника дискурс-анализа представляет собой систематизацию структур дискурса в соответствии с выделенными в сценарии исследования блоками. В качестве информационного массива в рамках количественных исследований использовались данные репрезентативного опроса населения Санкт-Петербурга (2007 г.), обработанные методами факторного и кластерного анализа.

Второй параграф «Напряженность российского дискурса» предполагает исследование интенсивности конфликтного потенциала, которым обладает современное российское общество. Отношение к конфликту респон-

дентов демонстрирует характеристики российской социальности. Постулируемая неизбежность конфликтов говорит о низком уровне защищённости субъекта и необходимости отстаивать свои интересы. Страх вмешательства третьей стороны – боязнь привлечения сил высокой интенсивности, которые смогут разрешить возникшую коллизию, лишь существенно расширив масштаб существующей проблемы. Осмысление абстрактных категорий не зависит от того, к какой из когорт относился респондент. Современный дискурс почти всегда напряжен, он складывается из несочетаемых элементов, которые приводят к когнитивному диссонансу, ситуации смысловой шизофрении. Современное общество на протяжении нескольких веков развивало в себе смысловую гибкость, но, вместе с этим, обретало всё новые расколы. В ситуации тотальной эклектики сложно выступать за гомогенность дискурсов, вместе с тем подобный расклад затрудняет диагностику конкретных интерпретативных механизмов.

Третий параграф «Векторы интерпретационных столкновений» описывает направления конструирования идентичности субъекта, которые демонстрируют актуальность конкретных типов фигуры врага. Попытка диагностировать направления конфликта интерпретаций заставляет выработать систему маркеров, которые очертят поле аналитических процедур. Последовательно проанализирована роль четырёх маркеров «социальных тел» (Класс, Нация, Государство, Церковь) в создании противоречащих интерпретативных практик. Социально-экономическая и этнонациональная принадлежность определяют интерпретационные техники субъектов достаточно отчетливо, но вместе с тем исключительно формализовано. Религиозная, идеологическая, этнонациональная идентификация начинают играть ощутимую роль в случае повышения интенсивности конфликта, как средство обретения сплочённости группы, а также насильственности конфликта. Идеология и религия оказываются значимым дифференцирующим основанием морального дискурса. В отличие от классического идеологического спектра, который был качественно изменён в результате глобальных историко-культурных сдвигов,

религия лишь поменяла акцентуацию, сохранив мощный потенциал интенсивности.

В четвёртом параграфе «Новые символические проекты как индикаторы динамики конфликта интерпретаций» диагностируется взаимосвязь кризиса идентичности и направления конфликтных векторов с востребованными символическими проектами, функционирующими в рамках индивидуального и общественного сознания. Механизмы религиозной и идеологической идентичности детерминированы периодом социализации респондентов, а потому их включённость в процессы восприятия конфликтных явлений у разных когортных групп различна. Дискурсивное поле религиозной идентичности детерминировано периодом социализации респондентов, при этом лишь младшая возрастная группа полноценно существует в рамках этого поля. Системный общемировой кризис традиционного политического спектра создал центристский идеологический дискурс, элементы которого воспринимаются различными социальными группами в зависимости от степени вовлечённости в него. Индивиды, социализация которых прошла в перестроечный и постперестроечный периоды, явившие собой ситуацию идеологического краха, заполнили ценностный вакуум религиозными механизмами самопонимания, которые и определяют их потенциальную конфликтную диспозицию.

Пятый параграф «Категория “враг” в контексте эмпирического анализа» посвящён анализу ассоциативных рядов респондентов, непосредственно связанных с понятием «враг». Враг определяется респондентами как тот, чьё присутствие сопряжено с опасностью и угрозой для жизни. Объект, который играет роль носителя качеств врага, зачастую выбирается самим субъектом и может быть представлен как непосредственно явленный Другой или безликая угроза, негативный феномен, событие или ситуация. В момент построения нарратива, детального описания абстрактного Другого, он обретает вполне конкретную личину, то есть адаптируется говорящим для последнего встраивания в символическую матрицу. Взаимосвязь этических качеств субъекта социальной системы с его позицией в дихотомных рядах

«свой/чужой» и «друг/враг» является достаточно очевидной для респондентов, представляя ассоциацию первого порядка. Диалог с врагом невозможен, по той причине, что сама возможность диалога лишает врага его радикализованного статуса. Договор с врагом – лишь иллюзия договора, которая в любой момент может быть разрушена. Сам механизм общежития, выстраивания идентичности предполагает столкновение интересов и взглядов, итог которого – феномен вражды. Конкретизация респондентами образа врага неминуемо приводит к образованию в рамках нарратива семантической связки абсолютно «бодрийеровского» толка. Структура субъекта сама по себе содержит в себе фильтр, искажающий «очертания» Другого и превращающий Другого во врага. Репрезентация Другого как врага возможна лишь потому, что обращённый в агрессию страх потери различия существует как результат обращения к экзистенциальной структуре субъекта. Символические проекты, основной характеристикой которых является использование определённой системы этических категорий, набора практик морального дискурса, становятся следствием нехватки Другого, но сами могут быть успешны, в случае, если происходит актуализация врага в рамках интерпретационного противостояния.

В **Заключении** формулируются итоги работы, намечаются перспективы дальнейшего развития основных идей диссертации, обсуждаются возможности последующего расширения и углубления проблематики. Обнаруженные в процессе проведения исследования закономерности формируют модель концептуализации образа врага как интерпретируемого в пространстве морального дискурса Другого, опыт конструирования отношений с которым раскрывается в терминах экзистенциальной необходимости, выраженной в диалектическом утверждении «желания зла». Подобная модель может в будущем стать основанием для построения респонзивной этической системы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях, в том числе в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК:

1. Шукин Д.А. Этика сходства и различия: анализ взаимосвязи коммуникативных процессов и морального дискурса сквозь призму инаковости субъектов // Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. СПб., 2011. С. 123-132. (0,5 п.л.)

2. Шукин Д.А. Кризис межличностного доверия в моральном дискурсе современной России // Вестник СПбГУ, сер. 6. №4. 2011. С. 49-53. (0,5 п.л.)

3. Шукин Д.А. Проблема конструирования врага в контексте интерпретации конфликта // Конфликтология. №4. 2010. С. 156-163. (0,5 п.л.)

4. Шукин Д.А. Философия как *hostis publicus*: интерпретация дискурса вражды // Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты. СПб., 2010. С. 64-71. (0,5 п.л.)

5. Шукин Д.А. Российский постмодерн и новые символические проекты // Человек познающий, человек созидающий, человек верующий. СПб., 2009. С. 390-398. (0,6 п.л.)

6. Шукин Д.А. Религиозная идентичность и интолерантность Новейшего времени // Роль образования в формировании установок толерантного сознания. СПб., 2008. С. 143-145. (0,2 п.л.)

7. Шукин Д.А. Ментально-смысловое поле как фактор политического конфликта // Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 8. СПб., 2008. С. 28-40. (0,6 п.л.)

8. Шукин Д.А. Нетерпимость как социокультурное основание политических конфликтов // Формирование толерантной среды в Санкт-Петербурге. СПб., 2007. С. 132-147. (0,8 п.л.)

Подписано в печать «22» марта 2012 г.

1,5 п.л. Тираж 100 экз.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ № 2416

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
191014, Россия, Санкт-Петербург,
Ул. Жуковского, д. 41, тел.: 401-01-74

e-mail: izd_lemma41@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>